

УДК 93/94

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕКАТЕРИНЫ II ПРИ ОСВОЕНИИ ЗЕМЕЛЬ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ

© 2017 г.

А.В. Адер,¹ М.В. Rogozin²

¹Оренбургский институт путей сообщения, Оренбург

²Высшая школа экономики в Праге, Чехия

marta892010@mail.ru

Поступила в редакцию 21.02.2016

Рассматриваются особенности колонизации Оренбургской губернии в контексте государственной национальной внутренней политики. Освещаются общие черты хозяйственно-бытового уклада различных этнических сообществ на территории губернии и специфическая роль национального вопроса в период правления Екатерины II. Основными источниками для написания статьи выступили материалы Государственного архива Оренбургской области (ГАОО). Представленные научные выводы позволяют расширить и дополнить существующий подход к изучению исторической эволюции аграрных отношений.

Ключевые слова: Оренбургская губерния, Екатерина II, колонизация, национальный вопрос.

Несмотря на существование с начала XIX века определенного интереса к проблеме колонизации Оренбургского края [1, с. 24–29], региональные экономические и институциональные особенности Оренбургской губернии как периферийной, многонациональной территории в период правления Екатерины II до последнего времени были изучены слабо. Так, немецкий путешественник, экономист, историк И.П. Фальк (интересовавшийся многогранной и сложной судьбой российского государства), совершив путешествие по Российской империи, под впечатлением увиденного издал работу «Записки путешествия 1768–1774 гг.». В ней автор рассказал об отношениях между духовенством и крестьянами, затронул особенности торговли на Южном Урале, сделал попытку проанализировать причины социальных конфликтов в Зауралье и способы их устранения [2, с. 18]. В 1848 году историком, статистиком и географом К. Арсеньевым были опубликованы статистические данные о населении Российской империи в целом и Оренбургской губернии в частности, начиная с 1766 года [3, с. 101–103]. Позднее проблематике модернизации аграрных отношений во второй половине XVIII – начале XIX в. были посвящены более углубленные исследования, однако многие аспекты процесса колонизации Оренбургского края в данный период (и в том числе вопрос о национальной политике) нуждаются в дальнейшей разработке.

Целью данной статьи выступает анализ эволюции национальных отношений и их трансформации в период системных изменений социально-экономической сферы России во второй половине XVIII века. Для достижения этой цели

были определены задачи, позволяющие охарактеризовать сущность и специфику национальных отношений в условиях модернизации, обозначить основные тенденции их эволюции в исторической динамике, наметить общие направления государственной внутренней политики в России в рассматриваемый период, выявить особенности становления аграрных отношений на юго-восточной окраине империи, акцентировав роль местного населения и специфику колониальных процессов.

Отметим, что вопрос о национальной политике Екатерины II при освоении земель Оренбургского края в большинстве современных исследовательских работ рассматривается в качестве второстепенного сюжета, выступая своеобразным довеском к анализу внешней политики. При этом как будто бы игнорируется тот факт, что конец XVIII в. отмечен реформированием большинства сфер социально-экономической, политической и правовой жизни российского общества [4, с. 13–16]. В частности, на протяжении рассматриваемого периода начинает оформляться комплексное понимание вопроса обеспеченности государственных крестьян земельной собственностью, закладываются основы иного администрирования территорий, реорганизуется государственный управленческий аппарат, обновляются принципы налоговой политики и т.п. На этом фоне колонизация Оренбургской губернии вбирает в себя черты целого ряда социально-экономических и политико-правовых новшеств, связанных с процессами активизации учета и перераспределения государственной и помещичьей земельной собственности, изменением (благодаря генеральному межеванию и ряду

специальных межеваний) структуры и характера землевладения и землепользования. Кроме того, масштабная колонизация оренбургских земель в период правления Екатерины II спровоцировала кардинальные изменения в социально-экономическом и бытовом укладе местного населения – киргиз-кайсацких народов [5, с. 139–141].

К началу проведения реформ Екатерины II в Оренбургскую губернию включались обширные земли между Камой, Каспийским морем, Западной Сибирью и казахской степью. Структурно губерния была представлена следующими провинциальными территориями: Оренбургская провинция, с административным центром в городе Оренбурге; Уфимская провинция, в состав которой входила центральная часть Башкирии (включая уезды: Бирский, Мензелинский и Осинский), административным центром был город Уфа; Исецкая провинция, включавшая Зауральскую Башкирию (уезды Исецкий, Шадринский, Окуневский), административный центр – г. Челябинск; и Ставропольская провинция. По своему географическому положению губерния была доступна для большого колонизационного потока из Среднего Поволжья и Казанской губернии.

Время вступления Екатерины II на престол характеризуется скудостью информации о природно-климатических и земельных условиях Оренбургской губернии. Все данные были представлены отдельными сообщениями, в частности уведомлениями о киргиз-кайсацких набегах на местное население, отчетами относительно сосланных лиц. Нехватка информации побудила императрицу издать именной указ об изучении края. Своим указом Екатерина предоставляла возможность исследования края, изучение его географических, этнических особенностей статскому советнику П. Рычкову. В отчете «О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии», во исполнение царского указа, Рычков писал [при публикации сохранены орфография, синтаксис и пунктуация подлинника]:

«Исполняя устав Вольного Экономического Общества, соединяющего труды свои для поощрения в России земледелия и домостроительства. Представил я уже для обсуждения пример обстоятельств, причиняющих общий ущерб нашему земледелию, теперь осмеливаюсь сообщить к изменению и умножению его.

Умножение земледелия хотя и во всех губерниях необходимо, но, по моему мнению, нигде в нем такой великой нужды нету, как в Оренбургской губернии со всеми по рекам Яик и Ую новопостроенными крепостями. Которая от хлебных местностей немалым расстоянием отдалена, ни одной туда текущей реки нет, по

которой из отдаленных хлеборобных мест требующихся судами на них способных плавать. Все, что необходимо не только для казенных магазинов, но и на парцикулярные расходы до настоящего момента большей частью из казны губернии пополнялось. Сухим путем завозится, поэтому, того хлеба, который родится, жителям этой губернии не хватает.

Но при этом губерния могла быть в числе самых лучших и плодоносящим местом, если приложить старания в заведении и умножении тут земледелия. Она вся столь избыточна самыми хорошими и плодородными землями, что в других губерниях на таком пространстве, какое она в себе содержит, одна столько их имеется. Земли эти все навозу и никакого удобрения не требуют, большей части из мягкого и толстого чернозема. Исключение составляют те места, которые близ рек Яика, но и тут яровые плодovitы, а особенно на просо и пшеницу. Весь недостаток ни от чего иного не происходит как от неумения местных земледельцев. Смело могу сказать, что известно ее множество пахотных земель, и сотая часть пашен не употребляется, самые лучшие места остаются тоже пустыми бесплодными и непахаными. Статский советник П. Рычков» [6, оп. 1. Д. 82. Л. 221–232].

По результатам данного заключения императрица издает указ от 12 октября 1767 г., адресованный губернатору Путятину. В тексте указа говорится, что сочинение П. Рычкова направляется в копии для необходимого изучения и применения рекомендаций автора для развития земледелия в Оренбургском крае [6, оп. 1. Д. 12. Л. 5–5 об., 6].

Согласно П. Рычкову, недра Оренбургской губернии содержали большие залежи полезных ископаемых, и по этому поводу императрицей был также издан указ от 30 марта 1765 г. об учреждении в Екатеринбурге экспедиции для розыска драгоценных камней, мраморных, агатовых и хрустальных месторождений [1].

Неравномерное заселение Оренбургского края отмечалось еще до вступления на престол Екатерины II, о чем свидетельствуют данные ревизских сказок второй ревизии 1744 г. По данным переписи, на территории Оренбургской губернии проживало 3625 душ мужского пола крепостных крестьян, т.е. 2,6% от общего числа всего населения [7, с. 110]. При этом, согласно исследованию В.М. Кабузана, движение населения в Оренбургской губернии характеризовалось высокими темпами. По данным третьей ревизии 1763 г., в районе Чумлякской слободы Оренбургской губернии было создано наибольшее число населенных пунктов – 18, с числом душ мужского пола 872. Наиболее

Таблица

**Численность населения государственной деревни
Оренбургской губернии по результатам седьмой ревизии
[6, оп. 5. Д. 10601/11. Л. 33–58]**

| Уезд | Число душ мужского пола по ревизии, чел. |
|-----------------------|------------------------------------------|
| Уфимский | 6781 |
| Стерлитамакский | 6775 |
| Бирский | 6360 |
| Белебеевский | 5332 |
| Троицкий | 2083 |
| Челябинский | 33 461 |
| Бугульминский | 22 958 |
| Мензелинский | 23 759 |
| Оренбургский | 11 912 |
| Бугурусланский | 42 541 |
| Бузулукский | 19 944 |
| В среднем по губернии | 181 906 |

крупные из них: деревня Косулино – 92 души мужского пола; деревня Белоярское – 89 душ мужского пола; деревня Красноярская – 87 душ мужского пола [8, с. 13–14]. В 1766 г., по данным исследователя К. Арсеньева, в соответствии с результатами четвертой ревизии всего в Оренбургской губернии проживало 150 329 душ мужского пола [3, с. 47]. Профессор В.М. Кабузан приводит следующие данные по результатам четвертой ревизии 1782 г.: в Оренбургской губернии проживало 300 096 душ мужского пола (по результатам пятой ревизии 1795 г. – 380 282 души мужского пола) [9, с. 139–141]. Высокий прирост населения объясняется, на наш взгляд, не только благоприятными почвенно-климатическими условиями, но и перспективами социально-экономического развития края.

Согласно седьмой ревизии, которая проводилась в 1815–1816 гг., в среднем на территории губернии преобладало население государственной деревни. Об этом свидетельствуют данные, представленные в таблице.

Для сравнения обратимся к некоторым вопросам колонизации территорий Западной Сибири – Тобольской губернии. Освоение этих территорий осуществлялось, как и в Оренбургской губернии, с использованием различных форм – вольнонародной, принудительной, смешанной. Специфичными в случае Западной Сибири были географическое положение и климатические характеристики, которые предопределили низкую плотность и «механический» прирост населения (за счет прибывавших сюда каторжан или вынужденных переселенцев). Все земли в Западной Сибири были в собственности государства, что подкрепляло их малонаселенность и незначительное присутствие коренных жителей.

Н.В. Кабакова, основываясь на архивных данных губернаторских отчетов, опубликованных в конце 1860-х гг. («Тобольская губерния.

Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг.»), установила, что все жители края по этнографическому составу делились на три категории: «1) племя славян, заселивших Сибирь по мере ее освоения (главным образом великороссыяне – русские и малороссыяне – украинцы) и составившие подавляющее большинство края. Чем ближе к югу, плодородным степям, тем количество русских жителей возрастает. Южные округа представляются совершенно русскими; 2) племена аборигенов, расселившиеся в основном в северных районах, мало приспособленных к оседлой жизни; 3) остальные». Такие выводы были сделаны на основе данных, представленных приходскими священниками и местными участковыми приставами, которые в каждом населенном пункте определяли национальность жителей [7, с. 42–43]. В южных округах Тобольской губернии – Ишимском, Омском и Тарском – в середине XIX в. было сосредоточено 367 179 душ обоих полов, или 37.78% всех ее жителей. При этом русские составляли 91.7% всего населения губернии (891 105 чел.), а в Ишимском и Омском округах их доля была еще больше – 98.4% (171 892 чел.) и 95.0% (95 866 чел.) соответственно. В Тарском же округе русских было несколько меньше – 89.8% общего количества населения (82 228 чел.). Остальными жителями южных округов Тобольской губернии были ссыльные поляки (1.5% – 5 406 чел.), немцы (0.9% – 3 297 чел.) и евреи (0.2% – 593 чел.). В Тарском округе 7866 чел. (8.6% всех жителей) составляли аборигены – татары, расселившиеся преимущественно в его северных районах [10, с. 102–117].

Земельный вопрос стоял в Оренбургской губернии донельзя остро, т.к. здесь практиковалось самовольное заселение помещиками уже сложившихся территорий или деревень, а также

и частое незаконное использование земельных угодий, пастбищ. Производными этих практик были бесчисленные челобитные на имя императрицы от помещиков, просивших узаконить их действия. На некоторые из этих обращений давались положительные ответы. Примером здесь может служить императорский указ от 12 апреля 1766 г. [при публикации сохранены орфография, синтаксис и пунктуация подлинника]:

«Указ ЕЯ Императорского Величества из Правительствующего Сената, из Межевой комиссии г-ну Оренбургскому губернатору Путятину: по челобитной статского советника Арнаутова (эта челобитная присутствует в архивных материалах. – А.А., М.Р.) Оренбургской губернии Бугульминского уезда новопоселенной деревни Борисовой новокрещенной из мордвы, что Борис Алексеев с прочими жителями села Карманово из-за недостатка земли поселились по дозволению Оренбургской губернской канцелярии в 1764 г. на дикопоросших рытвенных землях, а после этого еще 282 души поселились на этих землях в 1765 году на распашной земле, хотя статский советник Арнаутов и его братья утверждает, что эти земли отмерены им Оренбургской губернской канцелярией – постановили: так оставить поселившихся на землях и предписать об этом в межевой инструкции, пока ЕЕ Императорское Величество эту инструкцию не рассмотрит, а статскому советнику Арнаутову и его братьям до рассмотрения обид не чинить, а прислать рапорт, и объяснить по каким указам эти земли им в дачу производятся» [6, оп. 1. Д. 80. Л. 90–94].

В упомянутой выше Тобольской губернии такие массовые самовольные заселения не отмечены, исключение составляли южные территории губернии, заселявшиеся русским казачьим войском – служилыми людьми. К концу XVIII в. на территории Западной Сибири служилое землепользование существенно снижается, – в противовес этому процессу в Оренбургской губернии частотность именно служилого землепользования (за счет переселенцев из Центральной Сибири) возрастает.

Этнический состав коренного населения степей Оренбургского края был довольно разнообразен: здесь жили и башкиры, и мордва, и чуваша. Но наибольший интерес вызывает киргиз-кайсацкая этническая группа, которая стала прародительницей современных казахов. До начала масштабной колонизации местное киргиз-кайсацкое население вело кочевой образ жизни, обеспечивая себя главным образом за счет мясо-молочного скотоводства. Традиционной формой племенного объединения киргиз-кайсаков выступал *жуз*. На территории Орен-

бургской губернии располагался Младший (Малый) жуз (всего существовало три жуза – Старший, Средний и Младший). Начиная с 1762 до 1786 г. казахские султаны представили Екатерине II клятвенные грамоты о верности и подданстве Российской империи [11, с. 67].

Как уже отмечено, основой хозяйства киргиз-кайсаков являлось скотоводство. Оно требовало обширных территорий и потому было сопряжено с кочевым образом жизни, влекшим за собой характерные трудности – неустойчивость кормовой базы, падеж скота в зимнее время и т.п. Земледелие в хозяйственной деятельности киргиз-кайсацкого населения занимало второстепенное место. Специфика хозяйствования способствовала возвышению главным образом старейшин рода и владельцев больших пастбищ / многочисленного поголовья скота.

В 1763–1764 гг. Екатерина II отдала распоряжение оренбургскому губернатору Д.В. Волкову подготовить детальное заключение по делам местного киргиз-кайсацкого населения. В тексте заключения Д.В. Волков констатировал [при публикации сохранены орфография, синтаксис и пунктуация подлинника]: «В киргизских делах не оставаться при той политике, чтоб им ежегодное только жалование платить, а в прочем за находку почитать, когда, слава Богу, новых и частных хлопот, и российским жилищам от них разорений нет. Хорошо, что одно зло меньше стало, но разве тому и радоваться, что того нет, чему и быть не надлежало...» [12, с. 82]. В этот же период Волков, согласно указу императрицы, распорядился в пограничных крепостях продавать киргизам беспошлинно хлеб, «дабы этот народ царскую милость чувствовал, от подданства империи пользу признавал» [13, с. 56].

Дальнейшая колонизация территорий, входивших в Оренбургскую губернию, повлекла за собой значительные изменения привычного хозяйственно-бытового уклада киргиз-кайсаков – освоение земледелия и растениеводства, ведение оседлого хозяйства, что в итоге вело к росту их материальной обеспеченности, положительно сказалось на естественном приросте в крае местного населения [14, с. 291]. Впрочем, русские жители губернии и в период правления Екатерины II продолжали страдать от киргиз-кайсацких набегов и грабежей: нападения на крестьянские поселения Оренбургского края будут наблюдаться еще долго. С целью их пресечения губернатор (в 1764–1768 гг.) Абрам Артемьевич Путятин учреждает в рамках Малого жуза т.н. *расправы* – судебные органы, специализировавшиеся на делах киргиз-кайсаков.

Архивные данные свидетельствуют о назначениях на различные судебные должности знат-

ных представителей жуза – «выбранных Киргиз-кайсацкой меньшей ордой в учреждение по Высочайшему Ее Императорскому Величеству указу из главных орд из родов Аллилуевых, Байгулиных и Семиродных в председатели и заседатели расправ». По каждому роду, присягнувшему на верность императрице, давались отдельные наставления. Присягнувшие на верность старшины киргиз-кайсацких родов жаловались высокими военными титулами, ставились во главе расправы, наделялись различными привилегиями: им строились дома, выдавался скот, снижались (либо вовсе отменялись) подушные подати. В одном из архивных документов содержится полный именной список киргиз-кайсацких представителей, которым назначалось жалованье деньгами и хлебом [15, оп. 1. Д. 22. Л. 16, 16 об., 17].

В мае 1786 г. генерал-губернатору кавалер-барону Осипу Андреевичу Игельstromу в Оренбургскую экспедицию пограничных дел поступило императорское распоряжение об открытии расправ в Меньшей орде для наблюдения и смотра за поведением и поступками нерусского народа. Приступив к работе в расправах, киргиз-кайсацкие главы забрасывали Оренбургскую экспедицию пограничных дел прошениями о повышении жалованья (как деньгами, так и хлебом), увеличении расходов на перья и бумагу. Несмотря на учреждение расправ в Меньшей орде, приграничные районы губернии все так же грабились киргиз-кайсаками. Архив Оренбургской экспедиции пограничных дел содержит большое количество материалов судебного делопроизводства, посвященных набегам, захватам в плен и ограблению местного русского населения, а также находившихся здесь купцов.

Иницируя создание расправ, Екатерина II стремилась не только дисциплинировать коренное население при помощи его же представителей, но и приобщить кочевников к иному типу хозяйствования. Так, в собственноручно составленном наставлении губернатору Путятину императрица писала:

«Кочующих в киргиз-кайсацкой меньшей орде ногайцев старшине мулле Курбангали Зябиру Габдуллину. По Высочайшему Ее Императорскому Величеству изволению в Байгуллинском роде для разбирательства между киргизцами в роде находящимися учреждена расправа, чтобы:

1. наблюдать и оповещать, чтоб народом ногайского рода порядок и тишина всегда существовали и чтоб находились всегда в мире и согласии между собой;

2. чтоб ничто в противность подданнического долга, в нарушение учиненной присяги, ничего не предпринималось и не учинялось;

3. ...следить, чтоб не было разбоя и грабежа на российские селения» [15, оп. 1. Д. 22. Л. 35, 35 об., 36, 36 об., 37, 38].

В сохранившемся секретном предписании от 18 ноября 1787 г. оренбургского генерал-губернатора Игельstromа в Оренбургскую Экспедицию пограничных дел со следующим содержанием читаем [при публикации сохранены орфография, синтаксис и пунктуация подлинника]:

«Из рапорта экспедиции о выдаче, по предложению моему, выбранным киргизским народом в заседания, в учреждениях в Орде, расправах и в родах начальникам, старшинам вперед за год жалованья, выдала им денег вместо хлеба. Предлагаю экспедиции в будущем времени отпустить хлебного жалованья киргизским старшинам никогда деньгами не заменять, потому что хлебное жалованье для того определено, что бы этот народ приучить к хлебной пище, будем за этим наблюдать» [15, оп. 1. Д. 22. Л. 18, 18 об.].

Еще одной многочисленной этнической группой, населявшей Оренбургскую губернию, были башкиры. Показательно, что губернатор Путятин – представитель русификаторской и крепостнической политики – выступал против заселения края нерусскими народами, был убежден в том, что Башкирия «без всякого плода занята башкирцами». 21 марта 1766 г. он адресовал Сенату проект об упорядочении землепользования на территориях западнее Новой Московской дороги, предложив: 1) для скорого и удобного заселения края русскими людьми безвозмездно отобрать в казну земли, отделенные от Башкирии Новой Московской дорогой; 2) лишнюю землю продать дворянам для заселения ее крепостными крестьянами; 3) разрешить в Уфимском уезде свободную продажу земли дворянам и отдельным представителям коренного населения; 4) в целях прекращения земельных споров между владельцами, для сохранения корабельного леса провести по всей Оренбургской губернии генеральное межевание с раздачей земли помещикам, на основании Межевой инструкции, под села же и деревни государственных крестьян выделить территорию для поселения на ней до 300 душ мужского пола [14, с. 513].

Наиболее острым был именно вопрос о казенных землях, расположенных к западу от Новой Московской дороги. Губернатор Путятин считал, что продажа этих земель башкирским населением незаконна, т.к. право собственности на них принадлежит короне. Обратившись в палату гражданского суда, Путятин требовал запретить продажу башкирами земель, «которые вблизи Оренбурга в Казань по левую сторону новой Московской дороги и почитаемых

тех мест казенными». Эта же проблема была освещена в губернаторском рапорте, отправленном в Верхнюю расправу Уфимского наместничества и содержащем справку «о состоянии этих дорог и кому они принадлежат по праву» [15, оп. 1. Д. 12. Л. 5, 5 об., 6]. Земельный вопрос поднимался Путятиним и в записке Уложенной комиссии, где отмечалось, что все земли, лежащие по левую сторону Новой Московской дороги, если ехать из Оренбурга в Казань, никогда не были башкирскими, всегда принадлежали государям, приписаны к Оренбургскому уезду и заселены русскими. Ходатайствовавший перед Екатериной о признании этих земель казенными (и их изъятии без возмещения убытков) Путятин считал «полезным мероприятием» разрешение о скупке земли у башкир крупными заводчиками, – такими как Твердышев и Мясников, – с целью заселения ее крепостными крестьянами (Твердышев, в частности, приобрел за бесценок (400 руб.) 483.5 квадратных верст; в 1767 г. для Камбарского завода было куплено за 120 руб. 36 тыс. десятин земли [9, с. 81]).

Местные башкиры несли воинскую повинность наравне с русскими крестьянами. Имперское правительство повсеместно использовало башкир для формирования многочисленных военных полков, о чем свидетельствует ряд архивных документов [при публикации сохранены орфография, синтаксис и пунктуация подлинников]: «22 мая 1774 г. – зачитан рапорт барона Игельстрома о снаряженных для отправления сюда двух башкирских команд по пятьсот человек». «22 января 1789 г. – Барон Игельстром, рапортом от 11 января, сообщил об отправлении собранного им резерва пятисотного башкирского полка» и т.д. [15, оп. 1. Д. 22. Л. 35, 35 об., 36, 36 об., 37, 38]. Применительно к более позднему периоду, судя по протоколам Совета, можно сделать вывод, что в 1790–1795 гг. правительство российской империи продолжает использовать исключительно башкир «для отправления летней линейной стражи». Данное обстоятельство вызывало частое негодование со стороны представителей башкирского населения, что опять-таки подтверждается архивным документом [при публикации сохранены орфография, синтаксис и пунктуация подлинника]:

«6 марта 1794 года – прочитаны прошения на Высочайшее ЕЕ Императорское Величество имя от депутатов Башкирского народа, проживающего в Уфимском наместничестве, и письмо генерал-поручика Пеутлинга из Уфы, в котором он сообщает свое мнение относительно этого прошения Башкирцев, которых по всем округам наместничества находится 20 908 дворов.

Башкирцы желают уменьшения в производимых сейчас сборах их на летнюю линейную стражу, представляется удобность, без нарушения безопасности границ, сделать в сборе этом убавку до 1000 человек, так, что впредь с пяти башкирских дворов по одному человеку и менее; второе, в их желании продолжать службу отдельно от мешеряков, находит генерал-поручик затруднительным; третье желание Башкирцев – чтоб используемые из них на воинскую службу и штатскую награждаемы были, как и прочие служащие в войске...» [16].

Ответа на это «прошение башкирцев» не последовало: оно было отписано на рассмотрение уфимскому наместнику Пеутлингу.

Стоит отметить, что башкиры притеснялись как русскими крестьянами, так и помещиками, переселившимися на «исконно» башкирские земли. Колонизация Южного Урала не всегда подразумевала законное овладение государственной землей. Очень часто на более плодородные земли башкир направлялись не только государственные крестьяне, но и помещики-крепостники. В свое время указом Сената эти земли за усердную службу были жалованы служащим при Оренбургской комиссии штаб-офицерам и статским советникам, которые затем стали по минимальным ценам выкупать у местного населения, не имевшего прав на земельный надел, другие участки. Уфимская провинциальная канцелярия подтвердила правомочия дворян на эти земли, выдав крепости, но отчетов и наблюдений не производила. В результате копии крепостных записей не учитывались и в наличии не имелись.

В ходе колонизации Южного Урала наряду с русскими крестьянами на земли Оренбургской губернии переселялись многие представители ясачных, удельных и государственных крестьян нерусского происхождения – мишари, татары, мордва, чуваша. Ю.М. Тарасов указывает, что эти народы в вопросе подушного обложения были приравнены к русскому крестьянству и широко привлекались к различным государственным работам. Их приписывали к частным и казенным заводам для вспомогательных работ. Кроме подушной подати местное население облагалось дополнительными сборами и повинностями: это были хлебные налоги, специальные денежные сборы, – например, конские пошлины и «куначные деньги» со свадеб, – рекрутские наборы, ямские повинности, наряды на разнообразные казенные работы [17, с. 33]. Показательно, что в рамках пятой ревизии (1795 г.) чиновники сочли необходимым фиксировать общее количество крестьян – как русского, так и нерусского происхождения.

Екатерина II приветствовала и всячески поощряла помещиков из числа татар и башкир. Характерным проявлением и легитимирующим основанием такой политики стал указ 1784 г., согласно которому князьям и мурзам татарского происхождения позволялось пользоваться «всеми преимуществами российского дворянства». Среди дворян татарского происхождения выделяется древний род Тевкелевых. По результатам третьей ревизии помещики Тевкелевы имели в Казанской губернии в деревнях Томгачи и Азмер Ногайской дороги 112 душ мужского пола, а в Терсинской волости Зюрейской дороги – еще 632 крепостных-мужчин. В конце 1780-х гг. у Тевкелевых насчитывалось в общей сложности 2110 крепостных, из них в Уфимской губернии – 897 душ мужского пола. В Белебеевском уезде крепостные проживали сразу в семи деревнях (наибольшее число в деревнях Килимово и Болтаево), в Мензелинском уезде – в деревне Кадыкеево [18, с. 77–86].

Можно уверенно говорить, что в конце XVIII – начале XIX в. Оренбургская губерния выступала территорией, где под влиянием колонизационных процессов заметно эволюционировали аграрные отношения. Данная эволюция способствовала освоению ранее нетронутых плодородных земель, модернизации способов хозяйствования в регионе, интенсификации рыночного обмена с различными регионами Азии, развитию промышленного производства. При этом на протяжении «реформистского» правления Екатерины II колонизация в Оренбургской губернии напрямую зависела от общеимперской национальной политики. Императрица и губернаторы делали ставку на формирование у местного населения навыков земледелия и культивации злаков, переход от кочевого к оседлому образу жизни. Такой акцент был продиктован необходимостью упорядочения этнических и экономических отношений, упрочения законов империи, прироста населения и увеличения налоговых поступлений в казну.

Список литературы

1. Рогозина (Адер) А.В. Особенности землепользования в условиях аграрных реформ второй половины XVIII – начала XIX в. (на материалах Оренбургской губернии) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 8 (72). С. 24–29.
2. Фальк И.П. Записки путешествия 1768–1774 гг. СПб., 1824. 320 с.
3. Арсеньев К. Статистические очерки России. СПб., 1848. 507 с.
4. Рогозина (Адер) А.В. Земельный вопрос в национальной политике Екатерины II // История России как многоконфессионального государства: Материалы 42-й Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С.Н. Полтарака. СПб., 2006. С. 13–16.
5. Адер А.В. Исторический опыт реформ аграрных отношений и развития земельной собственности в Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. // В сб.: Образовательная среда сегодня и завтра: Сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. Г.Г. Бубнова, Е.В. Плужника, В.И. Солдаткина. 2014. С. 139–141.
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Фонд Оренбургской губернской канцелярии (Ф. 3).
7. Кабакова Н.В. Формирование населения южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. Омск: Изд-во СибАДИ, 2008. 216 с.
8. Дектярев И.В. К истории заселения местности по среднему течению реки Миасс // Краеведческие записки. Вып. 2. Челябинск, 1969. С. 13–14.
9. Аполлова Н.А. Экономические связи Казахстана с Россией в XVIII–XIX вв. Уфа, 1998. 238 с.
10. Миронов Б.Н. Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX века // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 20. Л., 1989. С. 102–117.
11. Под стягом России: Сборник архивных документов / Сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерева. М.: Русская книга, 1992. 432 с., 16 л. ил.
12. Вертоусова Е.Г. Оренбургский губернатор Д.В. Волков // История и культура славян Южного Урала. Оренбург, 1995. 171 с.
13. Семёнов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. 177 с.
14. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2, док. № 496. Уфа, 1972. 657 с.
15. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Фонд Экспедиции пограничных дел (Ф. 5).
16. Редкий фонд Центральной библиотеки им. Н.К. Крупской. Оренбург. Протоколы Совета в царствование Екатерины II. Ч. 2. Б.ц. Б.г.
17. Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII в. – первая половина XIX в. М.: Наука, 1984. 175 с.
18. Гилязов И.А. Помещики Тевкелевы в XVIII – начале XIX в. (К вопросу об исторических судьбах татарского феодального класса) // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале: Материалы научной конференции. Свердловск, 1963. С. 77–86.
19. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. 277 с.
20. Указы правительствующего сената. СПб., 1765. С. 45.
21. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Фонд Оренбургского губернского правления (Ф. 6).

**SPECIFICS OF CATHERINE II'S NATIONAL POLICY
DURING THE COLONIZATION OF THE ORENBURG REGION**

A.V. Ader, M.V. Rogozin

The paper deals with the specifics of the colonization of the Orenburg Governorate in the context of national domestic policy. The authors reveal some general features of different ethnic groups' economic and everyday life in the region and characterize the peculiar role of the national question during the reign of Catherine II. The main sources for the research are the materials of the State Archive of the Orenburg region. Research results presented in the paper contribute to the expansion and elaboration of modern approaches to the study of the historical evolution of agrarian relations.

Keywords: Orenburg Governorate, Catherine II, colonization, national question.

References

1. Rogozina (Ader) A.V. Osobennosti zemlepol'zovaniya v usloviyah agrarnykh reform vtoroj poloviny XVIII – nachala XIX v. (na materialah Orenburgskoj gubernii) // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 8 (72). S. 24–29.
2. Fal'k I.P. Zapiski puteshestviya 1768–1774 gg. SPb., 1824. 320 s.
3. Arsen'ev K. Statisticheskie ocherki Rossii. SPb., 1848. 507 s.
4. Rogozina (Ader) A.V. Zemel'nyj vopros v nacional'noj politike Ekateriny II // Istorija Rossii kak mnogokonfessional'nogo gosudarstva: Materialy 42-j Vserossijskoj zaochnoj nauchnoj konferencii / Pod red. S.N. Poltara. SPb., 2006. S. 13–16.
5. Ader A.V. Istoricheskij opyt reform agrarnykh otnoshenij i razvitiya zemel'noj sobstvennosti v Rossijskoj imperii v konce XVIII – nachale XIX v. // V sb.: Obrazovatel'naya sreda segodnya i zavtra: Sbornik nauchnykh trudov IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Pod obshch. red. G.G. Bubnova, E.V. Pluzhnika, V.I. Soldatkina. 2014. S. 139–141.
6. Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti (GAOO). Fond Orenburgskoj gubernskoj kancelyarii (F. 3).
7. Kabakova N.V. Formirovanie naseleniya yuzhnykh uezdov Tobol'skoj gubernii v konce XVIII – pervoj polovine XIX v. Omsk: Izd-vo SibADI, 2008. 216 s.
8. Dektyarev I.V. K istorii zaseleniya mestnosti po srednemu techeniyu reki Miass // Kraevedcheskie zapiski. Vyp. 2. Chelyabinsk, 1969. S. 13–14.
9. Apollova N.A. Ehkonomicheskie svyazi Kazahstana s Rossiej v XVIII–XIX vv. Ufa, 1998. 238 s.
10. Mironov B.N. Ispovednye vedomosti – istochnik o chislennosti i social'noj strukture pravoslavnogo naseleniya Rossii XVIII – pervoj poloviny XIX veka // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. Vyp. 20. L., 1989. S. 102–117.
11. Pod styagom Rossii: Sbornik arhivnykh dokumentov / Sost., primech. A.A. Sazonova, G.N. Gerasimovoj, O.A. Glushkovej, S.N. Kistereva. M.: Russkaya kniga, 1992. 432 s., 16 l. il.
12. Vertusova E.G. Orenburgskij gubernator D.V. Volkov // Istorija i kul'tura slavyan Yuzhnogo Urala. Orenburg, 1995. 171 s.
13. Semyonov V.G., Semenova V.P. Gubernatory Orenburgskogo kraja. Orenburg, 1999. 177 s.
14. Materialy po istorii Bashkirskoj ASSR. T. IV. Ch. 2, dok. № 496. Ufa, 1972. 657 s.
15. Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti (GAOO). Fond Ehkspedicii pograničnykh del (F. 5).
16. Redkij fond Central'noj biblioteki im. N.K. Krupskoj. Orenburg. Protokoly Soveta v carstvovanie Ekateriny II. Ch. 2. B.c. B.g.
17. Tarasov Yu.M. Russkaya krest'yanskaya kolonizaciya Yuzhnogo Urala. Vtoraya polovina XVIII v. – pervaya polovina XIX v. M.: Nauka, 1984. 175 s.
18. Gilyazov I.A. Pomeschchiki Tevkelevy v XVIII – nachale XIX v. (K voprosu ob istoricheskikh sud'bah tatarskogo feodal'nogo klassa) // Iz istorii krest'yanstva i agrarnykh otnoshenij na Urale: Materialy nauchnoj konferencii. Sverdlovsk, 1963. S. 77–86.
19. Kabuzan V.M. Izmeneniya v razmeshchenii naseleniya v XVIII – pervoj polovine XIX v. M., 1971. 277 s.
20. Ukazy pravitel'stvuyushchego senata. SPb., 1765. S. 45.
21. Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti (GAOO). Fond Orenburgskogo gubernskogo pravleniya (F. 6).